

Великий князь Георгий Михайлович и Русское генеалогическое общество

В XIX – начале XX в. большинство членов династии Романовых занималось благотворительной, общественной или научной деятельностью. Вклад, внесенный ими в интеллектуальную жизнь страны, был весьма значителен и разнообразен. В истории отечественной генеалогии известен великий князь Георгий Михайлович. В течение 20 лет он возглавлял находившееся в Санкт-Петербурге Русское генеалогическое общество, которое сыграло выдающуюся роль в развитии родословного знания нашей страны.

Инициатива создания специальной организации, которая должна целенаправленно заниматься изучением генеалогии, принадлежала крупному политическому и государственному деятелю второй половины XIX в., министру иностранных дел князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. Помимо служебной деятельности он находил время для исторических изысканий,¹ собирал коллекцию документов по истории России, публиковал источники.

Создание первого в стране общества, ориентированного на изучение генеалогических аспектов исторического процесса, стало логическим результатом эволюции научного родословного знания, его становления как самостоятельного направления исследований, формирования специфического информационно-справочного пространства, выработки методического инструментария для анализа генеалогических источников.

Устав общества был утвержден в августе 1897 г., и сразу же его учредители столкнулись с большими организационными трудностями, в том числе – с проблемой руководства. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский скоропостижно умер в 1896 г., а среди петербургских генеалогов явный лидер отсутствовал. Первоначально члены-учредители избрали председателем широко известного в дворянских, научных и придворных кругах графа С. Д. Шереметева, впоследствии члена Государственного совета, обер-егермейстера, председателя Археографической комиссии. Это был удачный выбор, поскольку он обладал несомненным организаторским талантом, активно интересовался историей дворянства и генеалогией,² а также мог оказать обществу материальную поддержку. Однако С. Д. Шереметев отказался от руководства и предложил на свой пост кандидатуру члена Государственного совета, сенатора и действительного тайного советника Н. Н. Селифонтова,³ который опубликовал несколько генеалогических работ. В этот раз снова последовал отказ со ссылкой на преклонный возраст и загруженность

¹ Губастов К. А. Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. //Известия Русского генеалогического общества (ИРГО). Вып. 2. Отд. 1. - СПб., 1903. - С. 3-9.

² Ковалева М. Д. Граф Сергей Дмитриевич Шереметев. Его вклад в российскую культуру: Автореф. дис. канд. ист. наук. - М., 1999; Мещенина А. А. С. Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. - СПб., 2004.; Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801 – 1906: Биобиблиографический справочник.- СПб., 2007. - С. 864-870.

³ Памяти Селифонтова. 1900 – 2000: Сб. докладов Первых Селифонтовских чтений. - Кострома, 2000; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи, 1802-1917: Биобиблиографический справочник. 2-е изд. испр. и доп. - СПб., 2002. - С. 664-667.

государственными делами.⁴ После повторной неудачи среди учредителей возникла мысль об избрании председателем великого князя Георгия Михайловича.

Из документов не вполне ясно, кто конкретно стал инициатором такой идеи. Возможно, что ее выдвинул граф С. Д. Шереметев. Она была обусловлена, по-видимому, с двумя обстоятельствами: назначением в 1895 г. великого князя на пост управляющего Русским музеем императора Александра III и личными контактами с кем-то из учредителей.

На заседании 19 марта 1898 г. было единогласно решено просить Георгия Михайловича возглавить Русское генеалогическое общество. Для ходатайства избрали депутацию из наиболее влиятельных лиц: академика и члена Государственного совета А. Ф. Бычкова, Н. Н. Селифонтова, графа С. Д. Шереметева, к которым присоединился секретарь организации, известный генеалог, заведующий архивом Департамента Герольдии Правительствующего Сената В. В. Руммель. На этот раз, долгожданное согласие возглавить организацию, было получено.

Среди членов императорской семьи великий князь Георгий Михайлович не был возможным единственным кандидатом на пост председателя Русского генеалогического общества. К родословным изысканиям имел прямое отношение его брат, великий князь Николай Михайлович. В 1908 г. он стал почетным членом организации.

Великий князь Георгий Михайлович (1863–1919) был сыном великого князя Михаила Николаевича и внуком императора Николая I. Как и все мужчины из династии Романовых, он с детства числился на военной службе, став в 1909 г. генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом. Георгий Михайлович пользовался известностью в научных кругах благодаря своим трудам по русской нумизматике XVIII–XIX вв.,⁵ а с 1898 г. являлся почетным членом Петербургской академии наук.

Избрание председателем представителя императорской семьи в полной мере отражало специфический социальный состав Русского генеалогического общества. Поскольку его ядром стала группа лиц, которая сформировалась вокруг занимавшего высокое положение князя А. Б. Лобанова-Ростовского, то среди членов преобладали представители аристократии. Предполагалось, что, с одной стороны, их участие повысит общественное значение организации, придаст ему оттенок «великосветскости», а с другой – что они, уже вследствие происхождения, наиболее заинтересованы в родословных изысканиях и будут оказывать им всемерное содействие. Логично, что столь однозначно ориентированное социально сообщество возглавил представитель династии Романовых.

После согласия Георгия Михайловича занять пост председателя генеалогической организации последовала обычная, очень неспешная процедура его документального оформления. Управляющий двором великого князя должен был написать по этому вопросу министру народного просвещения, который давал делу дальнейший

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1293. Д. 1. ЛЛ. 90-91.; Наумов О. Н. Источники по истории Русского генеалогического общества. //Из истории Русского генеалогического общества. - СПб., 2001. - С. 23.

⁵ Смирнов М. И. Корпус русских монет: Великий князь Георгий Михайлович и отдел нумизматики Русского музея. //Родина. 2003. № 9; Быков А. В. Вологодская ссылка 1918 г. Великого князя Георгия Михайловича. //Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. - СПб., 1998. И др.

бюрократический ход. В конце апреля 1898 г. Николай II разрешил своему двоюродному дяде возглавить общество,⁶ и 7 мая великий князь впервые появился на его заседании.⁷

Устав Русского генеалогического общества наделял председателя широкими правами во всех сферах деятельности. Согласно редакции документа от 1897 г. на руководителя возлагались все текущие, финансово-хозяйственные и издательские дела, организация заседаний, подготовка смет и отчетов, исполнение постановлений собраний, переписка с учреждениями, подписание документов.⁸ Великий князь, конечно, не имел возможности выполнять такую обширную, часто рутинную работу. На практике значительную часть его обязанностей (в частности, подготовку заседаний и документов) принял на себя В. В. Руммель.⁹

Участие Георгия Михайловича в деятельности общества сводилось к выполнению отдельных, не слишком обременительных функций административно-организационного характера. Научной стороны он не касался, отдав ее в полное распоряжение тем, кто имел профессиональный опыт исторических и генеалогических исследований, – Н. П. Лихачеву, В. В. Руммелю, графу С. Д. Шереметеву.

В декабре 1898 г. великий князь разрешил В. В. Руммелю бывать у него каждые две недели с докладом о делах организации и обращаться, *«где бы он не находился, по телефону или письменно»*.¹⁰ Однако встретиться удавалось далеко не всегда. Председатель был занят светской жизнью, и это вызывало промедления в решении текущих вопросов. Так, именно отсутствие Георгия Михайловича задержало в 1898 г. публикацию статьи об обществе в газете «Новое время».¹¹

Однако были и положительные результаты участия великого князя в деятельности организации. Сразу же после избрания он помог генеалогам разрешить одну из самых сложных проблем. Благодаря ему, общество получило бесплатное помещение в здании Михайловского дворца (Русского музея императора Александра III), где проводило заседания, хранило библиотеку и архив. Другим местом собраний стал дворец отца председателя – великого князя Михаила Николаевича.

Наиболее ответственно Георгий Михайлович относился к ведению заседаний организации и ее правления. С момента избрания и до 1901 г. он отсутствовал на них всего два раза. Великого князя регулярно информировали обо всех сторонах деятельности, докладывали о поступлениях в библиотеку и проектах реорганизаций, в частности – о принципиально важном предложении правителя дел Калужской ученой архивной комиссии В. М. Кашкарова открыть в Калуге отделение Русского генеалогического общества.¹² Это могло стать началом для создания сети филиалов

⁶ ИРГО. Вып. 2. Отд. 3. - СПб., 1903. - С. 21.

⁷ В наиболее авторитетном на настоящий момент справочнике о Романовых, подготовленном Ю. А. Кузьминым, ошибочно указано, что великий князь Георгий Михайлович стал председателем Русского генеалогического общества в апреле 1908 г. (Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия, 1797-1917 гг. - СПб., 2004. - С. 134).

⁸ Устав Русского генеалогического общества. - СПб., 1898. - С. 10-11.

⁹ Наумов О. Н. В. В. Руммель и русская генеалогия. //Из истории Русского генеалогического общества: Сб. статей и материалов. - СПб., 2001. - С. 62-74; Наумов О. Н. В. В. Руммель и «Родословный сборник русских дворянских фамилий». //Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: Электронное репринтное издание. - СПб., [2006]. - С. 1-22.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1468. Л. 23.

¹¹ Там же. Л. 15 об.

¹² РГАДА. Ф. 1293. Д. 14. Л. 7.

организации по всей России, но было отвергнуто. В январе 1899 г. В. В. Руммель писал графу С. Д. Шереметеву что учреждение самостоятельного отделения в Калуге «*не особенно желательно*».¹³

Великий князь принимал участие в обсуждении издательских планов, состава выпусков «Известий Русского генеалогического общества», рисунка печати и изменений в уставе.¹⁴ На его одобрение представлялись статьи об организации, предназначавшиеся для публикации в периодической печати.¹⁵ В библиотеку общества Георгий Михайлович передал полный комплект своих трудов по нумизматике.¹⁶

К председателю обращались за содействием в научных изысканиях. В январе 1899 г., по предложению правления, он подписал письмо к министру юстиции с просьбой разрешить доставлять обществу из Московского архива Министерства юстиции вотчинные, разрядные и иные документы, необходимые для исследовательской работы.¹⁷ В декабре того же года Георгий Михайлович запросил правление Казанского университета о пересылке в Санкт-Петербург Гербовника А. Т. Князева 1785 г.¹⁸ Ректор Д. И. Дубяго соглашался выдать на время эту ценную рукопись только при условии официального письма от августейшего председателя.¹⁹

Иногда великий князь вносил предложения, направленные на активизацию и совершенствование деятельности общества. На первом же заседании в ответ на выступление князя М. С. Путятина о необходимости собирания и издания семейных архивов он предложил обратиться от имени организации к губернским и уездным предводителям дворянства с просьбой довести до сведения дворян, что она имеет возможность принимать на хранение родовые бумаги и другие реликвии.²⁰ Этот циркуляр был разослан летом 1899 г., и, благодаря ему, собрание общества пополнилось документами XVI-XIX вв. из архивов Осоргиных, Благово, Тыртовых и других известных родов.²¹ В августе 1900 г. Георгий Михайлович посчитал необходимым напечатать список членов организации.²²

Через великого князя осуществлялась связь общества лично с Николаем II, который не только знал о его существовании, но и проявлял знаки внимания. В частности, в январе 1899 г. он подарил организации свой портрет работы французского художника Десмуалена.²³

Еще более чем конкретные действия для общества был важен потенциал, который заключало в себе руководство лицом из императорской семьи. Надежда на поддержку со стороны великого князя позволяла петербургской организации быть более решительной в выдвижении научных планов, добиваться преодоления существовавших запретов.

¹³ Наумов О. Н. Источники по истории Русского генеалогического общества. - С. 32.

¹⁴ ИРГО. Вып. 2. Отд. 3. - СПб., 1903. - С. 29, 31-32; РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1468. Л. 50; Д. 1469. Л. 6 об., 21.; Наумов О. Н. Источники по истории Русского генеалогического общества. - С. 32-35.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1468. Л. 15.

¹⁶ ИРГО. Вып. 2. СПб., 1903. Отд. 3. С. 23.

¹⁷ Там же. С. 26-27.

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1293. Д. 14. Л. 17 об.

²⁰ ИРГО. Вып. 2. Отд. 3. - СПб., 1903. - С. 5.

²¹ Там же. С. 22-23.

²² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1469. Л. 43 об.; Наумов О. Н. Источники по истории Русского генеалогического общества. - С. 39.

²³ ИРГО. Вып. 2. . Отд. 3. - СПб., 1903. - С. 22.

Общество, например, хотело получить в свое распоряжение запрещенные мемуары генеалога и политического деятеля XIX в. князя П. В. Долгорукова, а также другие недозволенные цензурой книги, а в перспективе – получить право выписывать любые издания без ограничений и пошлины. Кроме того, признавалось крайне желательным получить доступ к книгам и рукописям князя А. Б. Лобанова-Ростовского, которые хранились в личной библиотеке Николая II.²⁴ Требование подобных привилегий было исключительным и не могло бы возникнуть без прямой связи с императорской семьей.

Большие надежды возлагалось также руководством и членами на то, что после нескольких лет деятельности великий князь окажет содействие в получении организацией почетного наименования «Императорское».²⁵ Это могло значительно упрочить ее положение в научном сообществе России.

Для рядовых членов присутствие в составе общества представителя императорской семьи было предметом особой гордости и, в какой-то степени, способом удовлетворения личных тщеславий. В ноябре 1900 г. новгородский исследователь М. В. Муравьев просил представить его великому князю, чтобы преподнести собственные генеалогические труды.²⁶ Л. М. Савелов высказывал мнение, что участие великого князя «*привлечет и труженников, и членов, и симпатии обществу*».²⁷

В. В. Руммель, регулярно бывавший у председателя по делам, подробно рассказывал о каждой встрече в письмах к графу С. Д. Шереметву. Настроение Георгия Михайловича, его отношение к тем или иным конкретным вопросам жизни организации тщательно фиксировались и анализировались. В начале деятельности, когда ожидания от возможностей председателя были особенно велики, в переписке ему давались самые благоприятные характеристики. В декабре 1898 г. В. В. Руммель писал: «*На меня великий князь произвел впечатление человека очень оживленного; он был, несомненно, очень весел и много острил и смеялся; кроме некоторой иронии и, как мне показалось, несколько меньшего, чем прежде, интереса к делам общества, впечатление получилось прежнее*».²⁸ Однако не все надежды оправдывались, постепенно отношение стало изменяться. В письме от 21 марта 1902 г. отзыв В. В. Руммеля оказался иным: «*Сообщенный мне Вами сегодня случай необыкновенно характерно обрисовывает личность великого князя в смысле полного отсутствия убеждений и самостоятельности характера*».²⁹

В дневнике графа С. Д. Шереметева отзывы о председателе были еще более резкими. В записи о заседании общества 12 марта 1903 г. он высказался следующим образом: «*В[еликий] к[нязь] Георгий Мих[айлович] глупее обычного, холодный, вялый, безжизненный ... Декорум соблюден, но несостоятельность Г[еоргия] М[ихайловича]*

²⁴ РГАДА. Ф. 1293. Д. 1. ЛЛ. 232, 234 об.

²⁵ Наумов О. Н. Источники по истории Русского генеалогического общества. - С. 25.

²⁶ РГАДА. Ф. 1293. Д. 16. Л. 324.; Наумов О. Н. Источники по истории Русского генеалогического общества. - С. 41.

²⁷ Наумов О. Н. Указ. соч. - С. 26.

²⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1468. Л. 33.; Наумов О. Н. Источники по истории Русского генеалогического общества. - С. 31.

²⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1469. Л. 119.

явная».³⁰ Аналогичная характеристика содержалась в записи о заседании 5 марта 1912 г.: «Председатель Георгий Мих[айлович] непроходимо глуп и неприятен».³¹

Особенно возросло недовольство великим князем в начале 1900-х гг. На многих членов общества произвело негативное впечатление полное равнодушие председателя к судьбам семьи и научного наследия умершего В. В. Руммеля, который все силы отдавал делам организации и этим подорвал без того слабое здоровье. Н. Н. Кашкин прямо писал, что обращаться с просьбой о помощи вдове к великому князю «едва ли было бы практично».³² Недовольство графа С. Д. Шереметева председателем оказалось столь велико, что в декабре 1903 г. он предлагал Николаю II заменить его князем М. С. Путятиным, хотя сам дважды отказывался от этой должности.

Участие Георгия Михайловича в делах общества оказалось поверхностным. Это было честное исполнение минимального набора обязанностей. После смерти в 1902 г. В. В. Руммеля и отказа графа С. Д. Шереметева от должности товарища председателя (т. е. устранения от дел фактических руководителей), великий князь не смог или не захотел воспротивиться острому кадровому и финансовому кризису, который продолжался в Русском генеалогическом обществе на протяжении нескольких лет и завершился только в 1910-х гг.

Формально Георгий Михайлович оставался председателем до своей трагической гибели в 1919 г. На первом после длительного перерыва заседании, которое состоялось 14 октября 1919 г., уцелевшие члены Русского генеалогического общества нашли в себе мужество в числе прочих почтить память расстрелянных в январе того года председателя и великого князя Николая Михайловича.³³

Стратегически выбор Георгия Михайловича на председательскую должность был вполне правильным и оправданным. Членство кого-либо из династии Романовых считалось для любых российских обществ чрезвычайно престижным.

В подобном контексте показательна ситуация, сложившаяся в Историко-родословном обществе. Его руководители очень стремились, чтобы привлечь в организацию представителя императорской семьи. В момент создания, учредители рассчитывали на покровительство московского генерал-губернатора - великого князя Сергея Александровича, который «сочувственно» встретил идею генеалогического общества, однако, через несколько дней после начала его деятельности он был убит. Московские генеалоги надеялись на покровительство вдовы, великой княгини Елизаветы Федоровны, но получили отказ. Только в связи с десятилетним юбилеем, 26 ноября 1914 г., общество просило великого князя Георгия Михайловича принять звание почетного члена,³⁴ на что в январе следующего года последовало согласие, а 4 апреля – разрешение императора.³⁵

В истории Русского генеалогического общества фигура августейшего председателя имела двойственное значение: с одной стороны, он выполнял часть должностных

³⁰ Там же. Д. 5048. Л. 34.; Шохин Л. И. С. Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях. //Археографический ежегодник за 1994 год. - М., 1996. - С. 205.

³¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5057. Л. 50.

³² Там же. Д. 795. Л. 1 об.; Наумов О. Н. Источники по истории Русского генеалогического общества. - С. 46.

³³ Краско А. В. Русское генеалогическое общество 1918 – 1922 гг. (страницы истории). //ИРГО. Вып. 4. – СПб., 1995. - С. 37.

³⁴ Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 432. Д. 20. Л. 4.

³⁵ Там же. Д. 21. Л. 8; Д. 23. ЛЛ. 9-12.

обязанностей и способствовал деятельности организации, с другой – проявлял значительную пассивность при решении конкретных проблем. Реально делами общества занимались члены правления: сначала граф С. Д. Шереметев, В. В. Руммель и Г. А. Власьев, позже – К. А. Губастов и барон М. А. Таубе, определявшие научные и иные приоритеты. Георгий Михайлович был гораздо более нужен организации, чем она ему. Тем не менее, председательство принесло пользу не только обществу, но и всей отечественной генеалогии. Русское генеалогическое общество являлось организационным центром самостоятельного направления научной мысли – петербургской генеалогической школы. Без высокого покровительства деятельность столичных генеалогов могла бы оказаться менее эффективной и затрудненной бюрократическими препятствиями.

Ситуация, сложившаяся в Русском генеалогическом обществе, не была уникальной для рубежа XIX-XX вв. Она представляла собой неоднократно воспроизводившийся феномен взаимоотношений науки и власти, при котором слабость организационных возможностей первой требовала усиливавшегося возможности личного контакта с социальными верхами. Присутствие в составе конкретного научного сообщества лица из императорской семьи являлось не только проблемой создания благоприятного имиджа и повышения престижа. Оно диктовалось совокупностью многообразных факторов и специфической социально-культурологической моделью, предопределявшей, хотя бы номинально, санкцию из «высочайших» сфер на изыскания в исторической сфере, прямо связанной с политическими и идеологическими основами государства.

Опубликовано:

**Сборник №3. У истоков российской государственности.
(Роль женщин в истории династии Романовых): Исследования и материалы.**
– СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. – С.357-365.